

ОСОБЕННОСТИ ПОНИМАНИЯ ФИЛОСОФИИ КИОТОСКОЙ ШКОЛЫ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОСТОКОВЕДЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Работа представлена кафедрой истории философии СПбГУ.
Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. С. Колесников*

Статья посвящена анализу деятельности Киотоской школы философии в Японии в первой половине XX в. Рассматриваются условия появления экзистенциализма в Японии и процесс его видоизменений. Обсуждается критика японского экзистенциализма отечественными и японскими авторами с позиции марксизма. Критикуется позиция отечественного востоковедения по отношению к японскому экзистенциализму.

***Ключевые слова:** японская философия, японский экзистенциализм, японский марксизм, Киотоская школа.*

I. Bezrukov

FEATURES OF UNDERSTANDING OF THE KYOTO SCHOOL PHILOSOPHY IN RUSSIAN ORIENTAL STUDIES

The paper is devoted to the analysis of the scientific activity of the Kyoto school in Japan in the first half of the 20th century. Conditions of the appearance of existentialism in Japan and the process of its modifications are considered. The criticism of the Japanese existentialism by Russian and Japanese authors from the position of Marxism is discussed. The author criticises the attitude of Russian oriental studies to the Japanese existentialism.

***Key words:** Japanese philosophy, Japanese existentialism, Japanese Marxism, Kyoto school.*

Одной из основ современной японской философии экзистенциализма была Киотоская школа во главе с Нисида Китаро (1870–1945). Восприятию этого философского течения как единого, мощного и основополагающего для развития многих других направлений явления способствовало то, что представителями школы в большинстве своем являлись последователи и комментаторы теорий Нисида Китаро. Тем не менее в реальности мыслители, входившие в Киотоскую школу, вели исследования, зачастую, в абсолютно различных направлениях.

Многие философы Киото получали образование в европейских университетах, многие профессора посещали зарубежные семинары. Во время таких поездок японские мыслители знакомились с последними работами и теориями зарубежных коллег, которые и внедряли у себя на родине на волне открытости всему новому и европейскому, прокатившейся по японскому обществу в начале прошлого века. Иностранную философию и европейское мировидение в японский философский дискурс привносили не только представители Киото, но и другие мыслители. Чтобы иметь общее понимание относительно процесса принятия западных теорий, необходимо рассмотреть основные его этапы.

После реставрации Мэйдзи в 1868 г. западные учения, проникновение которых в Японию было до этого весьма ограничено вследствие самоизоляции страны, стали широко доступны. В результате японцы начали активно усваивать учения Дж. С. Милля, Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Бентама, Г. Спенсера, а впоследствии их умами завладели идеи Г. В. Ф. Гегеля, И. Канта, В. Виндельбанда, У. Джеймса, Д. Дьюи и др. В 1873 г. создается Общество по распространению идей просвещения «Мэйрокуся», члены которого были сторонниками утилитаризма и английского либерализма, придерживались органистической модели государства и теории естественного права. Фукудзава Юкити считал, что Япония должна заимствовать у Запада науку и дух независимости, призывал заменить традиционные японские ценности идеями позитивизма и либерализма.

Движение «За свободу и народные права» возникло в процессе борьбы за создание парламентской системы. В него входили известнейший просветитель Японии Накаэ Тёмин (1847–1901), Уэки Эмори (1857–1892), и др. Понятия свободы и права идеологи движения объясняли посредством конфуцианских терминов «ри» и «ги» (разумность и справедливость). Накаэ Тёмин, приверженец идей французского натурализма, которого называют «восточным Руссо», развивал идеи совместного правления народа и монарха.

В период Мэйдзи вместе с прочими западными учениями в Японию проникали идеи социализма и марксизма, первые попытки популяризации которого были сделаны Каваками Хадзимэ (1879–1946). Если в первое десятилетие эпохи Мэйдзи в японской философии господствующими течениями были главным образом позитивизм и утилитаризм разных направлений, а также эволюционная теория, то после принятия Конституции началось освоение немецкой философской мысли, и вскоре это направление стало господствующим. Неокантианство явилось основным направлением философской мысли, господствующим на протяжении периода Тайсё (1912–1926). В университете Васэда в это время благодаря Танака Одо (1867–1932) получили распространение идеи прагматизма Джеймса и инструментализма Девея, в другом произношении Дьюи.

Для Киотоской школы процесс восприятия нового способа философствования прошел весьма определенным образом. Родоначальник направления Нисида Китаро, находившийся на пути становления своих основополагающих взглядов, главное внимание уделил экзистенциальным идеям западной философии. Это явилось первой явной особенностью Киотоской школы, которую не оспаривал никто, включая отечественных исследователей. На Китаро, что будет очевидно практически всю насыщенную научную жизнь мыслителя, огромное впечатление произвели идеи Хайдеггера.

В 1919 г. вышла на японском языке «Психология мировоззрения» Карла Ясперса, а в 1926 г. – «Бытие и Время» Мартина Хай-

деггера, в 1927 г. – «Записки по метафизике» Габриеля Марсея (1889–1973). Таким образом, экзистенциализм проникал в Японию, главным образом воспринимаясь среди мыслителей Киото. Впрочем, публикации переводов трудов самих философов-экзистенциалистов не были единственным способом восприятия их идей. В 1922–1923 гг. Танабэ Хадзимэ, один из основоположников Киотоского экзистенциализма, слушал лекции Хайдеггера в Германии, а позднее, возвращаясь в Японию, поддерживал активную переписку с Ясперсом. У Хайдеггера слушал лекции также и Мики Киёси, другой важнейший для становления и определения Киотоской школы, философ. В 1936–1940 гг. в Токийском университете прочел цикл лекций ученик Хайдеггера – Карл Левит.

Идеи экзистенциализма легли на благодатную почву самобытных теорий японских философов, а именно зарождавшегося японского идеализма, создателем которого являлся Нисида Китаро со своими последователями. Экзистенциализм определенным образом видоизменялся, с одной стороны, приобретая всевозможные оттенки, но все же сохраняя собственное лицо, а с другой – органически сливаясь с местными идеалистическими течениями и выступая в качестве новых эклектичных концепций. Результатом таких трансформаций стал так называемый «классический японский идеализм», творцами коего и явились Нисида Китаро, Танабэ Хадзимэ, а также Мики Киёси. Очевидным представляется то, что основой экзистенциализма Киотоской школы Японии является теория классического идеализма.

Здесь мы подходим к важному моменту определения позиции Киотоской школы в японском и мировом масштабе. Не менее важным представляется ситуация в японском обществе того времени. Надо сказать, что после первых восторженных годов восприятия новых зарубежных идей в Японии наступило, что неизбежно, время рефлексии. Интеллигенция в своей массе не принимала капиталистический уклад, аргументируя это возрастающей угрозой национальной куль-

туре. В Японии традиционно любое новшество всегда не просто принималось, а скорее ассимилировалось обществом и собственной традицией. Таким образом, повсеместно стало происходить возрождение идей религиозно-мифологического мировидения, достаточно близких идеям чистого экзистенциализма. Несомненно, японский идеализм явился логичным результатом такой рефлексии. Нисида Китаро со своей практикой философского осмысления дзен также был близок к всеобщему мироощущению.

Важнейшим моментом в описываемой ситуации стало естественное в отрицании капиталистических идей тяготение к **марксизму**. Марксизм занимал умы видных философов довоенного времени, помимо Китаро и его последователей, входивших к Киотоскую школу, а также многих интеллигентов по праву современной, острой и интересной западной теории. Сам Китаро, изучая труды Маркса и делаясь размышлениями с коллегами, написал танка с такими словами: «До глубокой ночи спорим о Марксе. Из-за Маркса нет сна». Для Китаро и его научных изысканий очевидным представлялась первичность идеализма и экзистенциальных идей по отношению к марксизму, что в результате привело некоторых отечественных исследователей к **ошибочному**, на наш взгляд, выводу о понимании японского экзистенциализма как «главного оппонента марксистской философии» [5, с. 37] в Японии тех лет. Следствием такого понимания стало именование всех философов Японии, так или иначе комментирующих и изучающих марксизм, прогрессивными.

Надо сказать, что расстановка сил в Киотоской школе, выполненная в привычном для нас виде, не совсем соответствует действительным направлениям исследований философов распределенных следующим образом. «Правые – Танабэ Хадзимэ, Кояма Ивао, Косака Масааки, Ниситани Кэйдзи, левые – Мики Киёси, Какэхаси Акахидэ, Янагида Кэндзюро и центр – Мутай Рисаку» [5, с. 38]. Единственным действительно соответствующим характеристике «левый» мыслите-

лем здесь является, пожалуй, только Янагида Кэндзюро. В своих работах «Эволюция моего мировоззрения» и «Десять лет по пути материализма» Янагида достаточно четко показал приверженность марксизму. Помимо критики буржуазных идей современников, в том числе своего учителя Нисида Китаро, Кэндзюро в довольно жесткой манере критикует и свои ранние идеи.

Весьма логичным представляется положение Мутай Рисаку ввиду его наименее политизированного творчества. Наиболее известными текстами Мутай Рисаку были выпущенные в 1960 г. в Токио «Поиски счастья» японская транскрипция кофуку-но тансаку и «Современный гуманизм» по-японски Гэндай-но хюманизуму, изданный в Токио в 1959 г. Впрочем, тогда возникает вопрос, относительно кого или чего Рисаку занимает центральное положение.

Ученик Нисида Китаро, продолжавший большинство его центральных идей, Ниситани Кэйдзи более всего занимался обоснованием собственной теории атеистического экзистенциализма. Взяв атеистический пафос марксизма и идею «небытия» своего Учителя Нисида Китаро, Кэйдзи сформировал идею творчества человеком самого себя из «небытия». Данное творчество не является просто опорой на собственные силы. Человеческое бытие постоянно преодолевает рамки «наличности» чтобы осуществиться через «небытие». Так же как и Китаро, Кэйдзи критиковал некоторые идеи экзистенциализма с позиции японского буддизма, откуда и брал большинство своих понятий. Согласно Ниситани, и здесь он выступает как мыслитель, инициированный буддизмом, «Ничто» Хайдеггера есть небытие субъекта, наделенного своими, но постоянно обновляющимися силами. Он полагал, что данный взгляд создает новое измерение свободы, неизвестное на Западе. «Ниситани стремился показать, что буддизм является более совершенной формой атеистического гуманизма» [6, с. 194]. С его точки зрения главная экзистенциалистская установка не устраняет субъекта, а «ничто», «небытие», о котором говорит философия существования, есть нечто приданное субъекту.

Для экзистенциализма картезианское положение «*cogito ergo sum*» имеет определяющее значение и поэтому речь не может идти о небытии самого «*ego*», что является исходной точкой буддийской мысли. Экзистенциализм не позволяет сделать субъект в достаточной степени изменчивым. Однако, это возможно, если опираться на буддийскую концепцию «пустоты». Точка зрения, формируемая понятием «пустоты», по мнению Ниситани, поднимает атеистический гуманизм на новый уровень и позволяет смотреть на вещи с иной, «не человеческой», точки зрения. Продолжая изучать марксистскую философию, Кэйдзи в 1967 г. издает работу под названием «Нигилизм», где формирует общую идею кризиса европейской культуры, опираясь на идеи Ницше, Кьеркегора и Штирнера. Надо сказать, что марксисты, критиковавшие Ниситани, выделяют эту работу как положительный потенциал японского мыслителя.

Другой не менее известный ученик Нисида Китаро, по имени Танабэ Хадзимэ, заинтересовался марксистским пониманием истории, путем обращения к теориям неокантианства марбургской школы и некоторых преобразований он пришел к идее системы «логики видов», рассматривая «вид» в применении к истории человеческого общества как промежуточное звено между индивидуумом и человечеством. В дальнейшем Танабэ занимался общей теорией науки.

Наиболее неоднозначной фигурой Киотоской школы был Мики Киёси. Во время учебы в повышенной средней школе в Токио, куда Мики поступил в 1914 г., он знакомится с произведением Нисида Китаро под названием «Изучение блага». Эта работа произвела на юношу сильное впечатление и утвердила его в стремлении полностью посвятить жизнь философии. В университете Киёси познакомился с идеями немецкого идеализма Канта и Гегеля, с воззрениями неокантианской школы, интуитивизмом Бергсона, философией Brentano, феноменологией Гуссерля. Свои знания по философии немецкого идеализма он углублял под руководством Танабэ Хадзимэ. Также во

время обучения Мики знакомится с основными философскими трудами самого Нисида: «Интуиция и рефлексия в самосознании», «Мышление и опыт» и «Философия идеализма в современную эпоху».

В 1922 г. японский мыслитель для совершенствования своего философского образования уезжает в немецкий город Гейдельберг, где занимается в философском семинаре у Риккерта. Там он и открывает для себя марксистскую литературу. Важным моментом представляется отход философа от теологической точки зрения на человека. В дальнейшем Киёси перебирается в Марбург, где посещает лекции Хайдеггера, штудирует труды Дильтея, Ницше, читает Достоевского, Кьеркегора. Интерес к неокантианству сменяется интересом к «философии жизни», идеям экзистенциализма. Тогда же Мики задумывается о начале собственной философской работы. Он пишет: «Я размышляю о проблемах антропологии как о фундаменте наук о духе» [5, с. 45].

Увлечшись марксизмом, Киёси тем не менее остался на идеалистических позициях. Занятия антропологией и идеями Хайдеггера подвигли его на трансформацию марксистской системы взглядов для сближения последней с концепциями экзистенциализма. Разрабатывая свою теорию исторического развития, Мики в 1932 г. публикует работу «Философия истории». Ядром его философско-исторической концепции «является идеалистически истолкованная диалектика, понимаемая им как противоречие «истории как бытия» и «истории как факта» [5, с. 53].

Видоизменив, таким образом, теорию Маркса, Мики Киёси навлек на себя критику недавних коллег по занятиям марксизмом. По мнению философов-марксистов Киёси извратил на идеалистический манер положения оригинального учения Маркса о развитии общества. Несмотря на жесткую критику, многие марксисты признавали эпохальность исследований Мики Киёси для развития материализма в Японии. О важности его идей говорил Тосака Дзюн, один из участников семинара в Киото, ставший известным

марксистом впоследствии. Другой видный марксист – Кодзай Есисигэ также отмечает, что Мики был первым японским мыслителем, двигавшимся от идеализма к марксизму. «Для японских философов того времени этот переход был историческим событием, которое произвело огромное впечатление на широкие круги интеллигенции» [5, с. 53].

Таким образом, совершенно очевидно, что наиболее известные философы Киото во множестве своих идей опирались на теории марксизма, что позволяло гармонично развивать философскую мысль своего времени. Тем еще более странна позиция большинства текстов отечественного востоковедения по отношению к мыслителям Киotosкой школы. Разумеется, ввиду особенностей строя нашей страны в то время, определенная идеологизация всех научных изысканий понятна. Например, один из самых значимых для отечественного японоведения мыслителей, а это Ю. Б. Козловский, человек, прекрасно разбирающийся в философских нюансах японского мировоззрения, в каждой своей работе последние главы посвящал исключительно критике буржуазных проявлений с точки зрения марксизма, а цитат из классиков марксизма было великое множество. Общее определение японских экзистенциалистов у него звучит так: «...их тотальный критицизм и негативизм превращают приверженцев этих концепций в проповедников алогизма, иррационализма и пессимизма, столь созвучных общему духу упадка буржуазной культуры» [1, с. 140], что не соответствует объективной оценке положения дел, как мы видели выше.

Критикуя Ниситани Кэйдзи, Козловский пишет следующее: «Игнорируя законы развития современного общества, общества буржуазного типа, К. Ниситани призывает обратиться к традициям восточной культуры, извлечь из них не оцененное пока наследие» [1, с. 148]. Формируя в своих текстах такую позицию, Козловский своим авторитетом создал определенное мнение, живущее до сих пор. Особым образом интерпретируя мысли японцев, отечественные

исследователи искусственно противопоставляли их теории марксизму: «Если учитывать, что под интеллектуализмом Нисида имеет в виду, в частности, диалектический материализм, то становится понятной направленность его критических высказываний» [5, с. 40]. В формировании такой системы взглядов важную роль играли переводы японских марксистов, резко критикующих любое немарксистское философское движение Японии, в том числе и учение Нисида: «Статья “...” представляет апологию реакционной, мистической философии Нисида Китаро» [4, с. 19].

Странность положения Киотоских марксистов была также и в том, что, критикуя идеи соратников вкуче с лидером своего философского направления, они не воспринимались марксистами других школ, нещадно критиковавшими своих Киотоских оппонентов, не принимая их идеи по развитию и изменению марксизма. Особенно пострадал Мики Киёси, прекрасное знание марксистских текстов которого отмечал и поощрял Нисида Китаро, «досталось» также Ниситани Кэйдзи и Танабэ Хадзимэ. Наиболее извест-

ны критические произведения Иэнага Сабу-ро, Кацуми Умэмото, Кодзаи Ёсисигэ, Нагата Хироси и Тосака Дзюн.

Таким образом, одной из наиболее явных особенностей японского экзистенциализма Киотоской школы являются попытки ее мыслителей видоизменить экзистенциальную составляющую в соответствии с некоторыми прогрессивными теориями, в частности, с марксизмом. Полезность таких изысканий для развития японского идеализма, и философии вообще, достаточно очевидна. Тем не менее в отечественной востоковедческой науке возникла стойкая позиция относительно философии Киотоской школы. Подвергая не всегда адекватной критике идеи мыслителей Киотоской школы, некоторые исследователи сформировали отрицательное отношение к японскому экзистенциализму, препятствующее дальнейшим исследованиям в этой области. Учитывая приведенные выше аргументы, явно возникла необходимость более объективных анализа и оценки философского наследия самого Нисида Китаро, его последователей и всех участников Киотоского направления в философии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козловский Ю. Б.* Философия экзистенциализма в современной Японии. М.: Наука, 1975. 183 с.
2. *Нагата Хироси.* История философской мысли Японии / общ. ред. и вступ. ст. Козловского Ю. Б. М.: Прогресс, 1991. 412 с.
3. *Семенов Н. С.* Философские традиции Востока. Минск, 2004. 301 с.
4. *Современные японские мыслители* / ред.-сост. Сакисака Ицуро; пер. с яп. Бабинцева А. А. и Бугаевой Д. П. М.: Изд. иностр. литературы, 1958. 359 с.
5. *Соловьев Н. П.* Философские взгляды Мики Киёси и общественная мысль в Японии в конце 20-х – нач. 30-х годов. М.: Наука, 1975. 158 с.
6. *Солонин К. Ю.* Хайдеггер и восточная философия: поиск взаимодополнительности культур / отв. ред. Корнеев М. Я., Торчинов Е. А. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. 219 с.
7. *Японские материалисты.* Актуальные проблемы философской науки и история философской мысли в Японии: сб. статей / сост. Мори Коити; отв. ред. Козловский Ю. Б. М.: Наука, 1985. 269 с.